

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

© 2009 г. М. Б. Смоленский¹

Одной из наиболее типичных, многократно исследованных и описанных в научной, философской и художественной литературе характеристик российского правового менталитета является устойчивое представление об оправданности подчиненного положения личности, какой бы она ни была, по отношению к государству. Государство в массовом сознании и национальной идеологии занимает высшее место в ценностной иерархии. Личности традиционно отводится подчиненное положение. Ей приписывается обязанность служить государству, безоговорочно ставя его интересы выше своих и не задумываясь о возможном ущемлении им прав каждого конкретного человека. Эмоциональный пафос служения государству, царю, вождю достаточно долго на протяжении многовековой истории России вытеснял из массового сознания идею прав человека, в чем, безусловно, сказывалось влияние эмоциональных социокультурных доминант. Этикоцентрический тип отношения к государству проявляется в первую очередь в характерной интерпретации государства как “сверхгосударства”, в мифологизации и романтизации тех или иных конкретно-исторических форм государственности. Здесь прежде всего речь идет о российской монархии как носителе и защитнике православия. Та же когнитивная схема легла в основание мифа о единственном в мире справедливом и гуманном советском государстве и его гениальных вождях. Тем самым обосновывается морально-этическая сверхценность государства и соответствующий ей тип поведения в форме бескорыстного служения ему и в его лице – абсолютному благу, лучшему будущему, некоему надличностному идеалу.

Абсолютный и надличностный характер воплощенного в образе государства добра парадоксальным образом благодаря синкретическому типу ментальности уживается на уровне социальной практики с глубокой отчужденностью от государства в лице его структур, в частности правоохранительных. В сознании масс образ государства как бы постоянно раздваивается на идеальное сверхгосударство – носитель добра и реальное государство, в котором нет справедливости и гуманности, царит произвол. В рамках этого традиционного для России когнитивного парадокса пренебрежение к пра-

ву личности покоится сразу на двух основаниях: с одной стороны, понимание государства как сверхценности оправдывает любые ограничения, накладываемые им на личность, а с другой – неразвитость осознания личностью собственных прав и прав окружающих вписывается в общий противоправно-нигилистический контекст.

Этому способствует и само государство, которое в России никогда не было в полном смысле этого понятия правовым. В советском, авторитарном (а в 20-е–начале 50-х годов тоталитарном) по своему типу государстве превалировала установка по отношению к гражданину как к не вполне полноценному существу, которого надо опекать, наставлять на путь истинный и пресекать, если нужно. В этом государстве обязанности значительно преобладали над правами и свободами граждан. И, в свою очередь, обыденное общественное сознание граждан оставалось иждивенчески-пассивным, ожидающим от государства благ. Этими же мотивами было проникнуто и обыденное правосознание, подкрепляемое идеологемами “социалистической” правовой идеологии.

Даже сейчас, в период заявленных демократических преобразований, государство как основной субъект, формирующий право, находится в столь же амбивалентном состоянии, как и другие общественные организации и институты, – его явные функции не всегда совпадают с латентными, механизмы социальной защиты и правоохранения пробуксовывают, поэтому к деятельности государства люди относятся скорее критически, чем доверительно.

Этот аспект необходимо учитывать в процессе анализа правового поведения и правовой культуры россиян, поскольку недоверие и оппозиционность к политике государства являются важнейшим источником неправомерного поведения и многочисленных социальных девиаций. Новая правовая культура не может быть откровенно навязана – она возникнет только в результате осознанного принятия новой системы ценностей большинством населения, заинтересованного в том, чтобы поддерживать демократические правовые стандарты, обеспечивать гуманистические правила общежития и собственную социально-правовую защиту.

В то же время необходимо подчеркнуть, что укорененное в когнитивном схематизме российского правового менталитета отношение к госу-

¹ Декан юридического факультета Ростовского филиала РТА, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор.

дарству как к всеильному надличностному и надправовому началу определяет важные типологические особенности наличной “живой” правовой культуры. Процесс становления правового государства в России пришелся на период, названный переходным. Этот процесс имеет перманентный характер – ведь речь идет о становлении консолидированной федеративной модели демократического государства; о реализации принципа государственного управления, при котором монополия на власть одной партии заменяется многопартийным представительством интересов политически дифференцированного общества; о коренном изменении распределительных отношений в результате перехода средств производства из государственной в частную и коллективную собственность; о создании условий, при которых идеология государственной системы постепенно трансформируется из теологических догм мессианизма в признание приоритета норм конвенционального, консенсусного права. Не сложилась пока стабильная форма государственного управления. Например, нет однозначной определенности государственно-правового статуса федеральных округов; не достигнуто согласие в правотворческой деятельности субъектов Федерации и федеральных органов власти; нет гарантий от возникновения сепаратизма в национальных государственных образованиях. Распределительные отношения носят половинчатый характер, что предопределено особенностями государственного капитализма в условиях переходного периода: часть предприятий “стремится” функционировать по законам рынка, а часть (например, жилищно-эксплуатационные, энергетические, транспортные, стационарная связь, водоснабжение, учреждения образования и др.) имеет монопольное положение на рынке при патронаже со стороны государства. Подобная ситуация привела к “раздвоению” правового поля и породила противоречие между новыми законами, регулируемыми рыночные взаимоотношения, и старыми, призванными служить инструментом манипуляции в руках бюрократии. Разрешение этого противоречия кроется в переводе упомянутых организаций в статус рыночных. Не завершено расслоение общества по имущественному и статусному принципам, в результате чего основной социальный слой правового государства – средний класс находится еще в стадии зарождения.

Переходный период для России означает трансформацию и производственных отношений, и социальных институтов, и мировоззрения населения. Подобные исторические изменения не происходят одномоментно. Они требуют длительного этапа реформ, порой эволюционного характера. В данном случае эволюция, по сути, означает смену поколений. Дело в том, что формирование новых производственных отношений

и превращение считавшихся ранее антагонистическими мировоззренческих, правовых и нравственных норм общественной жизни в индивидуальные или групповые ценности происходит не в вакууме, во всяком случае для подавляющей части населения. Большинство прошло этап социализации в существенно различающихся политических условиях (диктатура И.В. Сталина, “оттепель” при Н.С. Хрущеве, “застой” при Л.И. Брежнев, распад государства при М.С. Горбачеве, шоковая терапия при Б.Н. Ельцине), поэтому речь идет не просто о формировании новых, но о замене большей части норм предшествующей политической системы, общественных отношений и социальных ценностей. Все это накладывает свой отпечаток на становление новой правовой культуры россиян, которая будет составлять атрибут демократического правового Российского государства.

Подобная трансформация не носит универсального характера. Поколения россиян проходили социализацию в идентичных идеологических, но в разных политических, а следовательно, и правовых условиях. Причем модели политических отношений в периоды становления ценностной структуры разных поколений изменялись по широчайшему спектру: деспотия – автократия – бюрократия – принципат – олигархия. Хотя все эти модели носили в большой степени эклектичный характер, их влияние на правовую практику, правовую культуру и становление правосознания масс всегда было определяющим. Следовательно, говоря о становлении правовой культуры населения России в настоящее время, нужно иметь в виду особенности трансформации именно той структуры правосознания поколения, которая была усвоена им как социально справедливая в условиях тех или иных политических реалий.

Сегодня задача заключается в том, чтобы сформировать в массовом сознании россиян положительный образ правовой системы, которая укладывается в модель политической структуры государства, не вступающей в противоречие с историческим сознанием большинства поколений. Это представляется на сегодняшний день недостижимым. Однако можно построить политическую модель “компромиссного” типа, к которой большинство представителей поколенческих когорт проявят толерантность. Задача не в том, чтобы все они признали предлагаемую политическую модель социально справедливой, а в том, чтобы была осознана объективная целесообразность такой модели для социального компромисса и целостности государства. Историческое сознание проявляется в двух формах: одна основана на преемственности традиций и результативности идеологического воздействия на массовое сознание; другая представляет собой синтез личного

социального опыта, совокупность общественных норм, интериоризированных личностью в процессе социализации в систему ценностных ориентаций.

Совокупность установок личности, обусловленных приобретенными ею знаниями и идеалами, личным социальным опытом, составляет основу оценки любых реформ, направленных на трансформацию или модернизацию общественной жизни, а в результате – этических и правовых норм. Степень признания или отвержения личностью новых этических и правовых норм социальной жизни зависит от прошлого социального опыта и системы ценностных ориентаций, составляющих ее жизненное кредо.

Наряду с идеологемами в формировании правовой культуры масс большую роль играют критерии, лежащие в основе чувства социальной справедливости. Всякая историческая практика, в которой личность чувствует себя дискомфортно, испытывает депривацию по тем или иным параметрам, отвергается ею. Иначе говоря, личность не находит для себя критериев идентификации с таким обществом, в том числе с его нормами общения и социальными институтами.

В России в течение длительного периода усилия сменяющих друг друга властных корпоративных структур были направлены на то, чтобы по возможности искоренить историческую память народа. Первое массовое идеологическое отрицание истории России произошло после 1917 г. В последующем оно вошло в моду, и со сменой очередного руководителя партии история подвергалась то модификации, то фальсификации. Более того, отдельные этапы истории страны нередко почти полностью отвергались, что привело к размыванию целостности, преемственности образа отечественной истории в массовом сознании. Нескольким поколениям россиян пришлось по два-три раза переосмысливать свои взгляды на лично прожитые ими в течение активной трудовой жизни этапы истории.

Особенно ярко это проявилось в начале 90-х годов XX в. Как известно, 12 июня 1990 г. была принята декларация “О государственном суверенитете РСФСР”. В ней выражалась решимость создать в России демократическое правовое государство, основанное на принципе разделения властей, а всем гражданам, политическим партиям, общественным объединениям гарантировалось создание равных правовых возможностей. Затем 8 декабря 1991 г. Россия, заключив соглашение “О создании Содружества Независимых Государств”, подтвердила свое стремление построить это государство. И наконец, Конституция РФ 1993 г. нормативно закрепила положение о том, что Российская Федерация – Россия есть демокра-

тическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления (ст. 1).

Таким образом, были обозначены и законодательно закреплены ориентиры развития России как демократического государства.

И действительно, изменения в обществе начались. Создавались общественные организации, движения, фонды. На местах стало развиваться местное самоуправление, граждане впервые почувствовали, что они что-то значат в государстве. Медленно, тяжело, мучительно пошел вперед процесс формирования политических партий фактически на пустом месте, так как в течение целого ряда лет реальная политическая активность населения жестко пресекалась властями. Нет традиций, нет практики деятельности партий, нет опоры в обществе, да и общества как такового толком нет. Народ, масса – пока еще “пластилин” в руках истории. Процесс созревания общества, становление самоуважения его членов – естественный процесс. Он не может перескакивать через крупные этапы в своем развитии, так как глобальные социальные сдвиги, перемены цивилизационного масштаба и характера не происходят по воле одной или нескольких личностей, какими бы умными и образованными они ни были. Несозревшее общество воспринимает только внешние формы, не затрагивая глубины реформ. Процесс этот эволюционный, требующий времени. А вот сколько нужно времени – зависит от множества факторов: политических, экономических, социальных и др.

На этом фоне существенно возрастает значение юридической науки в правообразовательных процессах, субъекты которых выполняют чрезвычайно сложную и ответственную работу по формированию нового правового пространства, созданию целостной и эффективной системы нормативных актов, которая должна обеспечить новое качество социально-экономического развития российского общества в XXI в.

Стратегия и тактика любой правовой политики вырабатывается соответствующим типом правосознания, которое берется законодателем в качестве исходного, базисного, господствующего в конкретном государстве и социуме. Юридическая политика как феномен политической и государственной жизни концептуально объединяет в себе духовный и поведенческий аспекты. Так, например, сложившаяся ситуация в Совете Федерации и Государственной Думе РФ красноречиво свидетельствует о социальной роли и ценности юридического сознания в созидании стратегических основ правовой политики. Коллективное правовое сознание основного законодательного органа нашей страны – разноплановое, многополярное, духовно неоднозначное – затрудняет процесс позитивного нормотворчества, поскольку

идеологическая многополюсность носит не конструктивный, а негативный характер.

И приход в эти структуры большого количества представителей одной партии (“Единая Россия”) должен уменьшить негативное влияние таких процессов, но существует другая опасность — впасть в другую крайность: вообще ликвидировать многопартийность, что может привести к “замыливанию” проблемы вместо ее решения.

При выработке правовой политики роль рациональных элементов правового сознания несоизмеримо высока. Большое значение имеет и правовая воля, ибо без нее правовая политика бессильна. Однако эмоционально-оценочные компоненты правосознания законодателя в целом играют не просто второстепенную, а зачастую даже негативную роль.

Однако эта ситуация в корне меняется при реализации правовой политики, когда когнитивные схематические структуры правового менталитета вновь выходят на передний план. В правоприменительной деятельности адекватным является человеческое и гуманное поведение соответствующих субъектов. Ведь правовая политика государства должна быть этически принята массовым правосознанием. В противном случае юридическая политика законодателя терпит сокрушительный крах, порожденный валом девиаций, нигилистических реакций, протестного поведения и разнообразных криминальных деяний.

Государственно-правовая идеология является фундаментальным условием формирования современной правовой системы с регламентированным законопослушным поведением людей в обществе. Опыт социального реформирования в России показал, что страна не может эффективно развиваться без ясно сформулированной национальной государственно-правовой идеологии. Иллюзии деидеологизации общества, политики, права породили процессы ценностного раскола общества и нигилизма в индивидуальном сознании, что постепенно приводит не просто к социальным конфликтам, а к реальной общественной дезинтеграции. В результате механической деидеологизации возникло опаснейшее, даже в сравнении с последствиями экономического кризиса, положение: усиливающееся ощущение духовной пустоты, бессмысленности, бесперспективности, временности всего происходящего, которое зримо охватывает все новые и новые слои населения. В нашем “деидеологизированном” сознании усиливается тенденция к социальному примитивизму, утрате и до того слабых иммунитетов от националистического популизма. И одним усилением уголовной ответственности тут не обойтись.

Для русского народа характерна столетиями доминировавшая в сознании всех идея социально-го долга или государственного служения, т.е.

идея, если можно так сказать, мессианства. Все это имеет глубокие исторические корни, которые и в современном мире совсем не забыты. Поэтому граждане очень “сухо” отнеслись к идеалам западной демократии, несмотря на то что фетишизация демократических институтов и идей парламентаризма, равно как и западного образа жизни, достигла в начале 90-х годов в России невиданных ранее масштабов.

К сожалению, но это факт, западноевропейские демократические начала и формы их реализации не обладают качеством универсальности, не полностью впитали в себя все лучшее, что достигнуто человеческой культурой, нашим нравственным сознанием. Поэтому механический перенос их в Россию создает иллюзию необходимости подготовки почвы для реформ, что приводит постоянно к ломке всего вчера воздвигнутого и лихорадочно в спешке строится новое для того, чтобы завтра подвергнуться такой же радикальной перестройке. Сам того не замечая, народ подстраивается под ту модель общества, которая в этот период кажется власти наиболее прагматичной, что неизбежно приводит к усилению властных структур за счет свертывания демократии.

А затем любое послабление воспринимается как победа демократических сил, которых реально не существует, а есть группы людей, назначенных государством выполнять роль “демократических” сил по опыту Германии и Японии, где после Второй мировой войны попытка внешними усилиями обеспечить развитие демократических ценностей и политических институтов в целом — удалась.

Государство есть легитимная и публичная властная сила общества, а аппарат государства представляет собой механизм применения (использования) этой силы. Вот этим аппаратом системно, продуманно и настойчиво в России никогда не занимались. Верховная власть всегда строила его быстро, исходя из своих сиюминутных интересов, т.е. практически стихийно, хаотически, с учетом ситуации. Это всегда создавало иллюзию “крепости” власти, ее целеустремленности, а приводило к авторитаризации власти, а затем и к персонализации, если улыбалась удача выполнить задуманное и получить искомый результат, хотя бы частично. Затем неизбежно все рушилось и не доходило до конца. Остались незавершенными реформы Петра I, Павла I, Александра I, Николая I, Александра II, В.И. Ленина, И.В. Сталина, Н.С. Хрущева, Ю.В. Андропова, Б.Н. Ельцина. Как представляется, все это произошло в немалой доле по вине плохой организации государственной власти. Лучшей же ее трудно представить, поскольку властные структуры формируются из представителей российского общества определенной ментальности, а изменения

в сознании и культуре происходят очень медленно. Другого же строительного материала у России просто нет.

Можно предположить, что действительный социальный выбор будущего пути России сейчас заключается не в том, жить ли с идеологией или без нее, а в том, какая идеология наиболее адекватна национальному духу, общественной сущности и целям перспективного развития в области правовой культуры и общественного сознания.

Правовая идеология синтезирует всю совокупность правовых знаний, выступая квинтэссенцией правовой культуры, концептуальным знанием, доступным широким слоям населения, поскольку в ней в символической форме заключен глубокий социальный смысл, ориентирующий людей на позитивное социальное творчество, необходимое для развития общества в целом.

Для концептуализации такой эффективной в социальном отношении правовой идеологии необходима национальная правовая доктрина, которая не просто характеризует важнейшие культурно-правовые ценности, но и служит целевой установкой текущего правового строительства, что необычайно актуально для современной России. Ее разработка связана с большим количеством аксиологических проблем, с поиском путей общественного согласия (“договора”) и философской рефлексией.

Таким образом, правовая идеология может и должна влиять на выбор моделей правового поведения как индивидами, так и социальными группами конкретного общества, поскольку вместе с элементами правовой психологии она включена в когнитивные схематические структуры правового менталитета, и каждая из них своими средствами служит осуществлению функций правосознания в правовом регулировании и состоянии правовой культуры общества.

Одна из наиболее острых проблем, мешающих становлению новой правовой культуры в России, новому отношению к государству, – незащищенность населения от неправомерных действий представителей органов исполнительной власти, которые нередко подменяют закон целесообразностью, причем так, как они ее понимают. Инерция авторитарности и администрирования оказалась чрезмерно устойчивой, особенно в небольших городах и в национальных республиках.

Наша власть структурно еще изолирована от общества. Верхушка может быть лучше или хуже, но это не улучшает саму систему состыковки государства и общества. Население рассматривает государство как сферу деятельности начальства и отсюда делает вывод: за все отвечают начальники, а не “я”. При этом реальный творческий и интеллектуальный потенциал остается невостребованным. Вследствие этого в России в

настоящее время не создана реальная система влияния общества на власть. Политические партии (кроме “Единой России”) не имеют достаточного политического веса; в результате этого государственная власть фактически полностью неподконтрольна и ее эффективность всецело зависит от личности, стоящей на вершине пирамиды. Народ уповает на чудо и надеется на приход “хорошей власти”, когда идет на выборы, как в храм, – “с чувством праздника”.

Правовая незащищенность граждан, как показывает практика, непосредственно связана с трудностями формирования нового государства и гражданского общества. Государство со своей стороны на сегодняшний день оказалось неспособным создать такие условия, при которых граждане выступали бы как равноправный партнер, участвующий в принятии важнейших решений, осуществляющий в предусмотренных законом формах контроль за деятельностью властных структур. В то же время можно, на наш взгляд, констатировать, что гражданское общество, пусть еще слабое, недостаточно структурированное, уже присутствует в современной России. Но его диалог с государством пока еще не налажен, а это тормозит развитие общества, так как сегодня наиболее эффективной организацией, позволяющей реализовать национальные интересы российского народа, является именно государство. Другой организации, способной воплощать в жизнь национальные интересы России, в настоящее время просто нет. И государство, несмотря на все свои недостатки (структурные, бюрократические, коррупционные и т.п.), объективно играет позитивную роль, фактически строя новое общество в очередной раз сверху.

После распада СССР на политической карте мира появилось новое государство – Российская Федерация. За прошедшие 17 лет оно сумело сформировать свои главные институты и принять свою Конституцию как закон, имеющий прямое действие. Однако до сих пор продолжается дискуссия о характере и структуре нашего государства. Российская история сложилась таким образом, что вплоть до начала XX в. в России не было граждан, а жители страны рассматривались в качестве подданных государя. В советский период декларировалось, что государство действует для человека, но этот лозунг, как и многие другие, остался на бумаге, а на практике действовало старое, привычное правило.

Неудивительно, что в нашей политической элите, во многом составленной из прежней партийно-номенклатуры, так сильна привычка руководствоваться не законом, а старым правилом: жить “по понятиям” и “по усмотрению начальства”. Слабость демократических традиций не позволила в 1991–2000 гг. сформировать сильное демо-

кратическое государство, ориентированное на защиту интересов и прав всех его граждан, т.е. “государства для человека”. А последующее кумулятивное нарастание авторитарной тенденции в политике и доминирование корпоративно-олигархических интересов в экономике свидетельствует о слабости и хрупкости возрожденной российской государственности, несмотря на определенные успехи в стабилизации внутренней обстановки.

Исторический опыт показывает, что авторитарное и олигархическое государство не может быть сильным, так как оно реально защищает интересы лишь нескольких процентов граждан, тогда как огромное большинство (неимущие, малоимущие граждане и “средний класс”) чувствует себя абсолютно незащищенным, брошенным на произвол судьбы. Только сильное демократическое государство, олицетворяющее гражданское согласие по основным направлениям внутренней и внешней политики, может в своей повседневной практике служить человеку и защищать его интересы и права. Только в таком государстве единственным источником власти становится его народ. В демократической республике граждане должны прямо и через своих представителей участвовать в принятии решений и осуществлять контроль за деятельностью властных структур. Иными словами, правило – “человек для государства”, которым руководствуется бюрократия, должно быть отброшено и в жизнь воплощен иной принцип – “государство для человека”.

Этот тезис на словах одобряют и многие представители наших официальных властей. Однако вместо того, чтобы стать “общим делом” граждан, посттоталитарное государство в силу своего номенклатурно-чиновничьего, олигархического и патерналистского характера оказалось частным делом федеральной, региональной и отраслевой бюрократии, новых политико-экономических элит, сильно пронизанных коррупцией и часто связанных с организованной преступностью. Неслучайно поэтому в обществе авторитет власти устойчиво невысок и замыкается в общем на ряд отдельных личностей во властных структурах.

Опыт постсоветской России показывает, что при отсутствии ответственной государственной власти не может быть защиты прав и свобод человека, реального верховенства обязательных для всех законов, не может существовать единое экономическое пространство и правовое государство. В стране не реализуются декларируемые в новой Конституции РФ всеобщие права человека и гражданина, зато доминирует практика корпоративизма и номенклатурно-чиновничьих усмотрений. Действует множество установленных общефедеральными и региональными вла-

стями особых прав-привилегий, специальных правовых режимов, разного рода льгот и исключений из общих правил – в пользу отдельных лиц, социальных слоев, различных финансовых, экономических и этнических групп, профессий, корпораций и территорий.

Необходим качественно иной курс преобразований. Он должен быть основан на стратегии последовательного движения к новому типу Российского государства, в котором человек, его права и свободы являлись бы высшей ценностью.

Осуществляя новую стратегию устойчивого развития страны, государству не следует вмешиваться в частную жизнь человека и мешать самореализации его личности. Устанавливая определенные правовые нормы и обеспечивая их соблюдение всеми своими учреждениями и всеми гражданами, оно обязано очерчивать те пределы, в которых гражданин может действовать по собственному усмотрению, не посягая при этом на права и свободы других граждан. Таким образом, российская государственная власть должна, наконец, осознать, что права человека являются приоритетными по отношению ко всем другим законам. В этом и состоит главная идея современного развития России. Для ее реализации необходимо, чтобы все субъекты политики руководствовались следующими основополагающими принципами: верховенством закона; разделением властей; равноправием граждан; участием граждан в управлении государством; свободой совести; свободой слова, собраний, ассоциаций; гарантиями государственной защиты прав человека.

Возникает естественный вопрос: если все эти принципы записаны в Конституции РФ 1993 г., почему же они до сих пор не реализуются в полной мере? Отвечая на него, мы можем назвать множество разных причин исторического и культурного порядка. Отметим наиболее важные из них.

Во-первых, речь идет о слабости гражданского общества и его основных институтов, слабости российской демократии. Отвечая “критикам демократии”, К. Поппер заметил: “Демократические институты не могут улучшаться сами – их улучшение зависит от нас. Проблема улучшения демократических институтов – это всегда проблема, стоящая перед личностями, а не перед институтами”².

В самом деле, любая демократия есть не что иное, как постоянная борьба граждан за свои права, за партнерскую, ответственную, честную и эффективную государственную власть. Поэтому все зависит от гражданской активности людей, их творческой и жизненной энергии, уровня культу-

² Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. С. 167.

ры и образования, нравственности и правового мышления.

Но, к сожалению, уровень правового мышления, обнаруживаемый большинством наших соотечественников, не радует. Все больше проявляется в ходе опросов тоска по “сильной руке” и равнодушие к ценностям правового государства. Так, выбирая между стабилизацией общественных отношений в стране любыми средствами, с одной стороны, и неизбежностью принципов права – с другой, 59.1% опрошенных отдадут предпочтение первому и только 14.5% – второму. За стабилизацию общественных отношений даже в ущерб законности и гражданским свободам выступает прежде всего старшее поколение. Однако и молодое не стремится отстаивать принципы права, а замыкается в рамках “безучастия”. Ограничить граждан в правах, по мнению опрошенных, можно: соблюдая приоритет интересов государства; в интересах других людей; в интересах следственных органов; в случае военных действий; в борьбе со стихийными бедствиями.

Таким образом, опрошенные признают приоритет права государства по сравнению с правами граждан, т.е., по сути, приоритет права управленческой структуры. Иначе говоря, граждане сами признают правомочность ущемления своих прав государством³, морально оправдывая свою инертность, например, необходимостью бороться с терроризмом.

Во-вторых, надо назвать неразвитость чувства гражданского и личного достоинства и нехватки умения отстаивать его цивилизованным образом. В этом отношении уместно напомнить справедливые слова Р. Иеринга: “Кто не чувствует, что в том случае, когда беззастенчиво нарушают и попирают его право, вопрос идет не просто об объекте этого права, но об его собственной личности, кто в подобном положении не испытывает

стремления защитить себя и свое право, тот уже человек безнадежный”⁴.

В-третьих, приходится признать слабость нашего государства, особенно судебной власти, что обуславливает, в свою очередь, низкий уровень правовой культуры. В большинстве случаев государственные служащие и должностные лица не привлекаются к ответственности за нарушения прав и свобод граждан и их объединений. У нас все еще господствует “телефонное право”, “политическая целесообразность” и “усмотрение вышестоящих начальников”. Самые высокопоставленные государственные чиновники не стесняются принародно демонстрировать своеволие и неуважение к закону.

Для исправления существующей ситуации необходима сильная государственная воля в применении как правовых, так и политических, административных и экономических методов воздействия. Если говорить о правовых формах, то прежде всего надо использовать наше законодательство, позволяющее привлекать к ответственности должностных лиц, нарушающих Конституцию страны и федеральное законодательство. В этой связи уместно напомнить, что ст. 45 Конституции РФ гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, проанализировав когнитивные схематические структуры отношения к государству и государственности в плане детерминации специфики правовой культуры масс, можно прийти к выводу о существовании множественных сложностей, препятствующих формированию правовой культуры, адекватной задачам построения правового государства. Тем не менее эта задача остается неотменимой для политико-правовых условий современной России. Ее решение сопряжено с процессом формирования на личностном уровне определенных характеристик, соответствующих требованиям, выдвигаемым к человеку и его правосознанию о правовом государстве.

³ См.: Рusanова К.М. Правовые установки и правовое поведение россиян // Социология и общество. Тезисы I Всероссийского социологического конгресса “Общество и социология: новые реалии и новые идеи”. СПб., 2000. С. 103.

⁴ Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991. С. 3.